

УДК 904

ДУША ХЕРСОНЕСА

С. Б. Сорочан

*Харьковский национальный университет имени В.Н. Каразина,
кафедра истории древнего мира и средних веков,
61022, г. Харьков, Площадь Свободы, 4*

Статья представляет короткое эссе, в котором излагаются основные вехи исторического пути Херсонеса Таврического – византийского Херсона на протяжении V в. до н.э. – XV в. н.э. При этом главный акцент сделан на оценке вклада этого античного и средневекового центра Крыма в духовную культуру, интеллектуальную жизнь разных эпох. Отмечаются основные черты культурного развития города, его место в греко-римской, а затем византийской цивилизации, факторы стабильности и деструктивные процессы, в конечном итоге приведшие к гибели.

Ключевые слова: Херсонес, Херсон, Крым, полис, культура, интеллектуальная жизнь, Римская империя, Византия, монголы, Генуя, турки-османы, христианство

The article below will present a short essay outlining milestones of historical way of Chersonesos – Byzantine Cherson during 5th BC – 15th AD century. At that the main emphasis is an assessment of contribution of this ancient and medieval Crimea's center in spiritual culture, the intellectual life of different eras. The main features of the cultural development of the city, its place in the Greco-Roman and then Byzantine civilization, the factors of stability and destructive processes, which will ultimately lead to its downfall, also will be highlighted.

Key words: Chersonesos, Kherson, Crimea, polis, culture, intellectual life, the Roman Empire, the Byzantine Empire, the Mongols, Genoa, Ottoman Turks, Christianity

Вечные ценности, которыми живет духовно мыслящая интеллигенция, это еще и наследие прошлого. На крымской земле таким сакральным пространством со своей неповторимой аурой, безусловно, является Херсонес Таврический, чей славный путь начался в V в до н. э. и оборвался через два тысячелетия, оставив нам непреходящие уроки истории и духовной жизни. Недаром греческий историк Фукидид писал, что «...город – это люди, а не стены и не порожние корабли».

На первый взгляд, место для выселка – апойкии – оказалось выбрано не самое удачное, в окружении туземцев – тавров. Особенно туго пришлось херсонеситам во второй половине III–II вв. до н.э., когда натиск воинственных крымских скифов привел к потере контроля над Северо-Западным Крымом. Лежали в руинах многие сожженные греческие поселения и сельские усадьбы. В самом конце II в. до н.э. Херсонес попал под власть царя Понта – Митридата VI Евпатора (132–63 гг. до н.э.), который помог разгромить скифов. Смертельный враг несокрушимого Рима, Митридат в свою очередь был разгромлен прославленным полководцем Помпеем, в будущем соперником Юлия Цезаря в борьбе за власть.

Вскоре Херсонес на века вошел в орбиту влияния вначале Римской, а затем Восточно-Римской (Византийской) империи. Здесь размещался римский гарнизон, ставка командования во главе с трибуном, и город более ста лет оставался центром постоянного римского военного присутствия в Таврике. Его светская и духовная культура претерпела в первые века н.э. ряд изменений. С включением Таврики в сферу влияния империи и непосредственным пребыванием в городе и его округе римских гарнизонов неизбежным оказалось столкновение двух культур – собственно херсонесской, в своей

основе периферийной греко-дорийской, и провинциально-римской, главным образом малоазийского и нижнемезийского (балканского) направления.

Город жил полнокровной жизнью, сохраняя главные полисные традиции и обычаи. Римские солдаты внесли свой особый стиль и колорит в его культурный облик. Существование в городе бань-терм для римских солдат и жителей изменило отношение к телесной чистоте и этическим нормам отдыха, устройству развлечений в несвойственных для греков общественных местах. Однако находившиеся в городе и его округе римские солдаты и сравнительно большое количество именитых херсонеситов, получивших права римского гражданства, не смогли коренным образом изменить язык не только в государственной документальной прозе и разговорной речи, но и в творчестве местных поэтов и интеллектуалов.

Провинциально-римское влияние в определенной степени затронуло такие сферы культуры Херсонеса, как архитектура, искусство, религиозное мировоззрение во всем его многообразии. Тем не менее, следует подчеркнуть, херсонеситы устойчиво сохраняли привычный для них образ жизни и идеологию своего общества – духовные ценности именно эллинской культуры. Главными являлись патриотизм, отмеченная в почетных декретах и эпитафиях любовь к отчизне, вера основной массы населения в силу единства гражданской общины и неразрывной связи каждого с коллективом граждан, сохранении родного языка и культов исконных божеств как важнейшего стимула преданности полисным традициям. Воспринятые, творчески переосмысленные и обогащенные мастерами, эти традиции стали основой неповторимого херсонесского искусства первых веков н.э., что позволяет говорить о Херсонесе по меньшей мере как о самостоятельном художественном центре со своими интеллектуалами, грамматиками, риториками, наследниками предыдущей греческой поры.

«Варварские волны» Великого переселения народов в череде нашествий сокрушили почти все греческие города Северного Причерноморья. Херсонес же уцелел, мало того, даже процветал в последующее время и, пользуясь плодами своей везучести и силы духа, продолжал жить и трудиться среди неисчислимых бедствий.

С конца IV в. н.э. он стал центром распространения христианства. Имеющиеся письменные и археологические материалы свидетельствуют о длительном и сложном процессе проникновения и утверждения новой идеологии в Херсонесе. Сейчас уже нельзя, как это делалось ранее, говорить, что со времени Константина Великого Херсонес стал главным очагом христианства или же о полном торжестве новой религии уже при Феодосии I (379–395 гг.). Окончательному утверждению христианства здесь предшествовал длительный переходный период, период постепенного, непоследовательного отказа от привычных языческих культов, «период умирания» античных богов, на протяжении которого имело место сосуществование старых, унаследованных от дедов и прадедов, религиозных представлений и упорно пробивавшей себе дорогу христианской идеологии. В то же время в некрополе города бесспорно христианских комплексов второй половины IV – начала V вв. немного. В этом нет ничего удивительного. Ведь в период превращения в государственную религию христианство не было самой распространенной религией даже в крупных городских центрах Римской империи, где христианские общины объединяли не более пятой части населения.

В целом для идеологической жизни Херсонеса было характерно достаточно мирное сосуществование немногочисленных адептов новой религии с основной массой населения, которое еще не приняло христианства. Об этом свидетельствует отсутствие четко выраженного христианского участка кладбища-некрополя IV – начала V в. А наличие расписных склепов может рассматриваться в качестве ясного свидетельства наличия в Херсонесе сравнительно зажиточных лиц, принявших крещение, что, в свою

очередь, указывает на ошибочность утвердившегося вывода о глубоком кризе в экономике города позднеантичного периода.

Широкая христианизация населения Херсонеса, как, впрочем, и других отдаленных районов Византийской империи, началась лишь в VI в. и явилась прямым следствием активной политики византийских императоров в Таврике. К этому времени относится перепланировка жилых кварталов, в том числе связанная с начавшимся в городе «строительным бумом», канонизация местных мучеников в лице Василия и других шести легендарных первых епископов Херсонских, хорошо датированные христианские погребальные комплексы, надгробия с изображением крестов, христианская скульптура и культовые предметы. Наличие в Херсонесе свыше четырех десятков христианских храмов, базилик, кафоликонов, мартириев, баптистериев-крещален и иных сакральных зданий VI-IX вв., а также их количественное соотношение с иными категориями построек само по себе тоже свидетельствует о степени распространения христианства и его восприятию широкими массами местного населения.

Только с началом широкого храмового строительства, развернувшегося при активном участии артелей талантливых мастеров-икодомов и имперской администрации, светской и церковной, можно связывать процесс массовой христианизации населения Херсонеса-Херсона. Но, говоря об активном участии в храмовом строительстве византийской администрации, следует подчеркнуть, что возведение христианских культовых построек не обязательно велось исключительно за счет средств, выделявшихся центральной администрацией. Сравнительный материал и ряд эпиграфических памятников из ранневизантийского Херсона, свидетельствуют, что христианские комплексы и части их интерьера возводились за счет частных пожертвований людей широкого социального спектра, а не только знати.

В силу этого судьбоносного события именно Херсонесу – Херсону выпала историческая миссия превратиться в центр малого паломничества к его святыням, а со временем стать главным проводником новой религии и культуры для народов Восточной Европы и Киевской Руси. Столетиями город станет играть роль связующего звена между Киевом и Константинополем. Форпост Ромейской (Византийской) империи, он будет долго, с честью и верностью солдата, служить императорам-василевсам, в чьих подданных превратятся херсониты. Они тоже станут ромеями – «римлянами», как в греческом произношении звучало последнее слово. Византийцы же изменят название города на Херсон.

В последней трети VII в. около его стен появятся новые воинственные пришельцы, хазары, чья полуоседлая, не знавшая собственных городов, гигантская многоэтническая степная «империя» из тюрков, финно-угров, протоболгар и славян раскинется от Каспия и предгорий Кавказа до Волги и степной Таврики. И шелестом, будто плеск набегающей морской волны, зазвучит на их языке название города – Шуршун.

В городе насчитывалось в ранневизантийское время не менее 12 кафоликонов – приходских соборов (епископальный – Уваровская базилика, базилика Крузе, Восточная, Северная базилики, базилики 1935 г. и 1932 г., «базилика в базилике», «базилика на холме», базилика № 17 и № 28, храм № 27, «храм с ковчегом»). При накопленном материале и новом подходе к прочтению источников идентифицируются многие из перечисленных храмов.

Во всех основных частях города располагались храмовые комплексы, которые можно назвать доминантами. На восточной площади, бывшем языческом теменосе, находился храм апостола Петра, на северо-восточном берегу – храм Св. Апостолов Петра и Павла, на большой агоре – церковь Св. Василия, на северо-западе – церковь и монастырский комплекс Св. Леонтия Киликийского с мартирием Св. Василия.

С VI в. Церковь претендует на духовное и светское лидерство. С распространением христианства изменяются взгляды на телесную и духовную смерть. В связи с растущим авторитетом Церкви сосредотачивает в своих руках управление погребальным обрядом (погребальные шествия, церемонии). Ее же догмы и влияние сводили к минимуму наличие инвентаря при захоронении. В целом, он ограничивается деревянным гробом или саваном, прандием и повседневной одеждой с ее атрибутами.

Все это свидетельствует об изменении отношения к загробному миру, согласно христианской догматике. В качестве гробниц используют как склепы римской эпохи, так и новые, построенные в ранневизантийское время. За определенную плату можно было «заказать» себе место для захоронения. Следует отметить, что новые склепы устраивались в небольшом количестве. Индивидуальное место упокоения было более дорогим и желанным. Но в основном хоронили в коллективных гробницах-кимитириях, где число погребенных, их костяков, могло достигать до нескольких сотен. При этом мало внимания уделялось тому, что в склепах бранные кости праведников смешивались с прахом язычников. В ожидании Божьего Суда этот факт не имел духовного значения.

Сравнительно немногочисленны погребения в притворах церквей и в «костехранильнице» – липсанотеке комплекса Западной базилики. Правом погребения в пределах храма обладали в первую очередь представители клира. Но с IX–X вв. эти привилегии стали распространяться и на обычных членов церковной общины. При этом продолжал действовать загородный некрополь. На его территории так же активно использовались прежние погребальные сооружения (скальные склепы, грунтовые и вырубные могилы).

Город охватывал около 36 га, на которых проживало около 6 тысяч населения (с колебаниями в разные периоды в одну–две тысячи человек от этой цифры). Территория, которую занимал Херсон в период раннего средневековья, ненамного возросла по сравнению с периодом античности. Изменилась поквартальная планировка в связи с объединением кварталов. Местом общественной жизни становятся городские площади и улицы, за благоустройством которых следили. В целом, городская инфраструктура была хорошо налажена и функционировала без особых, кардинальных изменений.

В обществе выделялись несколько прослоек: «первенствующие» – потомственная знать, высшее духовенство, профессиональные военные, торгово-ремесленный слой, среднее и низшее духовенство, челядь, рабы и пауперы, маргиналы.

На территории Херсона, вероятно, должна была существовать школа грамматистов, дававшая начальное образование. Кроме того, знания можно было получать у частных грамотных лиц, учителей или при епископальной кафедре. Наличие грамотных людей в городе, книжников, интеллектуалов подтверждается существованием в IX в. библиотеки при храме Св. Апостолов Петра и Павла (Уваровской базилики), что по средневековым меркам являлось достижением. Столь же удивляет количество металлических застежек от книг, встречаемых в погребениях херсонитов (долгое время исследователи их не идентифицировали, видя в шпильках некие «амулеты»).

Медицинскую помощь можно было получить в больнице-ятрине, монастырском или городском носокомионе или ксеноне, следы которых прослеживаются в VII–VIII вв. на территории Западной базилики и около комплекса городского водохранилища у южных, так называемых Мертвых ворот, выводивших к загородному кладбищу у Карантинной бухты. Однако большой популярностью пользовались паломничества к целебным святым местам. В Херсоне, например, это была гробница умершего в 655 г. ссыльного Папы Мартина около комплекса загородного южного монастыря Богородицы Влахерской. Авден в VII в. в «Житии Св. Элигия» писал, что видел эту усыпальницу, которая «...как на Востоке усиленно посещается, так и Западом не предается забве-

нию». Считалось, что мощи мученика обладают целительной силой, поэтому паломничество в святое место не прекращалось столетиями.

В византийском обществе особо ценилась внешняя красота человека. Следили за чистотой тела, о чем говорит большое количество бань (не менее пяти) на территории города. Член христианской общины должен был следовать духовным нормам религии и быть опрятным. Омывались не только душа, получавшая Евхаристию, но и тело.

Наличие разнообразных праздников доказывает восприятие мира как через религиозные догмы, так и будничные реалии повседневной жизни, через народные традиции и обычаи. Но при всей поглощенности повседневными заботами херсонит, как и любой верующий ромей, не мог упускать из виду конечного пункта своего жизненного странствования и забыть о том, что ведется точный счет его добрым делам и грехам, за которые во время последнего суда он должен будет полностью дать отчет Творцу.

Длительный процесс интеграции привел к тому, что Херсон и округа явно не стремились выйти из состава Империи. Общевизантийская психология передалась херсонитам. Бунты и выступления против отдельных стратиггов – градоначальников – случались крайне редко и не чаще, чем в других городах Империи.

На территории Херсона проживали различные этнические группы (евреи, сирийцы, армяне, славяне, представители пограничных районов Таврики). Но доминирующей, следует подчеркнуть, продолжала оставаться греческая община. В связи с этим элементы духовной жизни рассматриваются именно на греческом материале. Через него шли основные проявления, которые способствовали возникновению у херсонитов очень важного чувства гражданского и конфессионального единства. В целом город представлял этнически одинаковую палитру, а проникновение в его среду варварских культур было незначительным.

Весь раннесредневековый период город оставался устойчивым социально-экономическим организмом. Он следовал курсу правящих императоров, когда требовалось, признавал, согласно центральной политике, монофиситство, монофелитство, иконоборство. Херсон являлся оплотом Империи, ориентировался на ее интересы. Но не забывал о себе, и проявления преданности не доходили до самопожертвования. По своему положению город находился на стыке двух миров. Первый – мир цивилизации, материальных и духовных богатств великой Империи. Второй – в контакте с «толпами варваров» и кочевниками. Во всех случаях отношения, похоже, строились на корысти, изворотливости для соблюдения своих и имперских интересов.

Уже в 40–50-х гг. IX в. рядом с Херсоном появились конные отряды венгров, которые, со слов Константина Философа, побывавшего здесь в 860–861 гг., с волчьим завыванием нападали на группы путников, а вскоре началось вторжение других кочевников-тюрок, печенегов.

Пытаясь сохранить систему поддержания политического равновесия, Византия стремилась оказывать на кочевников влияние посредством налаживания с ними связей, и на этот раз искусно используя заинтересованность новых пришельцев, враждовавших друг с другом, в выгодном посредническом обмене с империей. По археологическим данным известно, что уже с рубежа IX–X вв. экономическое и политическое положение в Таврике стало стабилизироваться. Кроме того, тогда же удалось еще более укрепить позиции Константинопольского патриархата, что отразилось в учреждении ряда новых архиепископств. Епархиальные списки, составленные в начале X в. и около 940 г., называют архиепископства Херсона, Готии, Сугдеи, Фулл и Боспора, хотя еще в первой половине IX в. в Таврике существовали только первое и последнее.

Знали крымский Херсон и покорившие полмира могучие арабы, писавшие о нем как о Керсоне. Через опасные Днепровские пороги уже с IX в. спешили к городу ладьи бесстрашных росов и навстречу им, сквозь бездонную синь моря, красным цветком

расцветали на горизонте видные издалика черепичные крыши летописного Корсуня. Первым, кто сумел в 988 г. взять неприступный город, стал великий киевский князь Владимир Святославич, увезший отсюда и жену – византийскую принцессу Анну, и священников, крестивших Киевскую Русь.

После этого еще двести лет не переступала вражеская нога границ грозных херсонесских стен и башен. И печенеги, и сменившие их половцы (куманы) предпочитали вести торговлю с предприимчивыми горожанами. А потом обвалом посыпались беды, одна горше другой.

В апреле 1204 г., прикрываясь высокими соображениями о справедливости, но на деле влекомые алчностью и жадной грабежа, войска западных рыцарей-крестоносцев штурмом захватили Константинополь – столицу единоверного христианского государства, подвергнув его доселе невиданному разорению. Ослабленная внутренними раздорами, разгромленная, Византия на время прекратила существование. Осиротели её окраинные владения в Таврике, среди которых оказался и Херсон. Надо было искать новых верховных покровителей, думать, как выжить и превратить окружающих врагов если не в друзей, то хотя бы в торговых партнеров, заинтересованных во взаимовыгодном сотрудничестве. Всё бы ничего, но во второй четверти XIII в. в Таврику пришли новые захватчики, кочевники – монголы. Не раз подвергался набегам степняков и Херсон, известный татарам как Сару-Керман («Желтая крепость»). Волею-неволей он втягивался в чужую политическую игру, чужие политические амбиции и планы. Всё большую роль в городе приобретали чужаки – итальянцы, чьи морские города-государства, особенно Генуя, включили Херсон в число своих торговых и опорных пунктов – звеньев гигантской цепи, протянувшейся от Азовского моря к Средиземноморью. Карсона, Горзони, Сарсона, Скурши – на разный лад звучали названия города в речи «латинов».

Но и новые хозяева Херсона оказались бессильны справиться со всё более крепнувшей угрозой. Из маленького государства, созданного турецким султаном Османом на северо-востоке Малой Азии, через пару столетий, к XV в., вырос гигантский смертоносный монстр – империя турок-османов, где покорённых немусульман победители называли не иначе как «райя» – стадо.

В мае 1453 г. под грохот сотни пушечных орудий, под яростными ударами янычар и прочих почти двухсоттысячных войск безжалостного и решительного молодого султана Мехмета Фатиха («Завоевателя») пал Константинополь, давно уже выглядевший обреченным «островом» посреди безбрежного моря турецких владений. К этому времени Херсон тоже доживал последние годы. Вскоре его покинули генуэзцы, не в состоянии защитить свои торговые фактории в Таврике. Даже разбойники-татары, жившие набегам, стали вассалами великого турецкого султана, мощь которого, казалось, не имела пределов. Впрочем, дело было не только во врагах – сколько их перевидали херсонеситы, всегда находившие выход. На сей раз решающий удар нанесли непобедимые законы экономики. Перемещение торговых путей оторвало город от главного источника существования – посреднической торговли. По другим дорогам пошли караваны, от иных портов отплывали тяжелогруженные корабли. И угасавшему Херсону уже неоткуда было взять силы, чтобы вновь подняться на ноги и обновить душу своего народа. Он погиб почти одновременно с Византией, осененный последним отблеском её былой славы.